

ВАДИМ ШЕВЯКОВ

ЗЕМЛЯ – ЧИСТА,
И НЕБО – ПЕРВОЗДАННО...

* * *

Я рос в патриархальном городишке,
В котором угораздило родиться.
Мы собирали вкладыши и фишки
И слушали кассеты, позже — диски
(Да, точно, диски — это “нулевые”,
А вырос я скорее в девяностых),
С соседней стройки воровали доски —
Подгнившие, корявые, любые, —
И строили из них себе шалашик,
И жили там, как будто робинзоны,
Среди немного-, в общем-то, этажек
До самого холодного сезона.
Нас было трое — Шурик, я и Паша
(Давид пришёл потом, о нём отдельно).
Вокруг каменноугольной котельной
Сугробы покрывались слоем сажки,
А мы, смеясь, сбивали корку наста
До белизны, а после шли на ужин.
Так незаметно стукнуло семнадцать,
И нас, как пробки, вышибло наружу.

ШЕВЯКОВ Вадим Олегович родился в Сухиничах Калужской области в семье горного мастера и учительницы музыки. Учился на механико-математическом факультете Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. Участник многих областных и международных семинаров-совещаний молодых писателей (Сергиев-Посад, Химки, Москва). Живёт в Калуге, работает программистом.

Я приезжал, но словно понарошку,
Ныряя в память — стылый вязкий битум.
Глядел, как превращаются в “Магниты”
Знакомые разрушки и заброшки.
Котельная работает на газе,
Четыре джи работает местами.
Мой городишко стал благообразен,
Но больше он моим уже не станет.
И всё же я вернусь — куда деваться? —
В то самое, взаправдашнее место.
На лестнице знакомого подъезда
Мне встретится сосед, Давид Ломтадзе,
В дурацкой шапке, с новеньким портфелем —
Совсем малой, не начинавший бриться.
И я пойму, что всё на самом деле,
И выйду из подъезда в минус тридцать...

* * *

Она — из поколения вещей.
Так воспитали. Не за что винить её.
Большой сервант. Хрустальные корытины
Для оливье и прочих овощей,
Менажница... (зачем они вообще?)
Своей эпохи преданная дочь,
Она была ценителем вещей,
Она была ревнителем вещей,
Алкателем, стяжателем, хранителем.
Она была совсем немолода,
Давно немолода. Порою кажется,
Что бабушки — навечно. Навсегда.
Но есть граница этого “всегда”,
Потом — звонок, и в голосе — беда,
Горит Москва, пылает Нотр-Дам,
И остаётся чёртова менажница,
Дурацкая проклятая менажница.
“Кому нужна злосчастливая менажница?” —
Ругаюсь, но попросят — не отдам,
А предложу — надеюсь, что откажутся.

На новоселье нам подарок — грусть.
На дюжину персон сервиз обеденный —
Наивное, ненужное наследие,
Для навесных шкафов нелёгкий груз,
Доставшийся по праву кровных уз.
Из тех тарелок раза два поедено,
Не больше. И у кофе странный вкус,
Как будто в чашках растворилась грусть.
В котлетах и салатах тоже грусть,
И даже огурцом (отдельно) — хрусть! —
Навязнет на зубах печаль и грусть,
Тоска, как на уроке краеведенья;
Как на уроке алгебры, тоска.
Гора посуды в мойке высока,
Восход кровав, как бой троянцев с греками.
Бессонница. Засученный рукав.
Разделочная сушится доска.
Позвякивая грязными тарелками,
Услышу удаляющийся реквием,

Услышу приближающийся реквием,
Ни на секунду не смолкавший реквием;
Включу плейлист с весёленькими треками,
Но даже сквозь него услышу реквием.
Закрою кран. Откупорю “вискарь”...

* * *

Однажды мой будильник промолчит,
Не нарушая логику дремоты,
И я без уважительных причин
Просплю и опоздаю на работу.

По телефону что-нибудь соврав,
Пойму, что день какой-то нерабочий;
Пойду гулять и забреду в овраг,
Где мягкая податливая почва.

Затем, с подошвы счистив чернозём,
Вернусь назад. В попутном продуктовом
Возьму бутылку водки “Пять озёр”
И к ней — контейнер с чем-нибудь готовым.

Приду домой. Отмою от мочи
Пустой лоток. Из миски воду вылью.
Однажды мой будильник замолчит,
Мой меховой, мой ласковый будильник.

* * *

Шумел вокзал. Гудели провода.
Благоухали пирожки с капустой.
Я уезжал — пускай не навсегда,
Но уезжать всегда немного грустно.

Шёл поезд мягкой поступью колёс;
Жара плыла, пылила и пылала,
И сердце — мой крылатый паровоз —
Отсчитывало рёбра, точно шпалы.

Был горизонт бескрайне далеко,
Земля — чиста, и небо — первозданно.
Мы проезжали мимо облаков
В вагонах, полных сизого тумана.

Садилось солнце. Вечер остывал,
Из голубого становился синим,
И проводник бельё не раздавал,
И мы его об этом не просили...

И думалось: неужто я сойду?
А может, я всю жизнь куда-то еду?..
Но поезд, подвывая на ходу,
Ушёл по своему стальному следу.